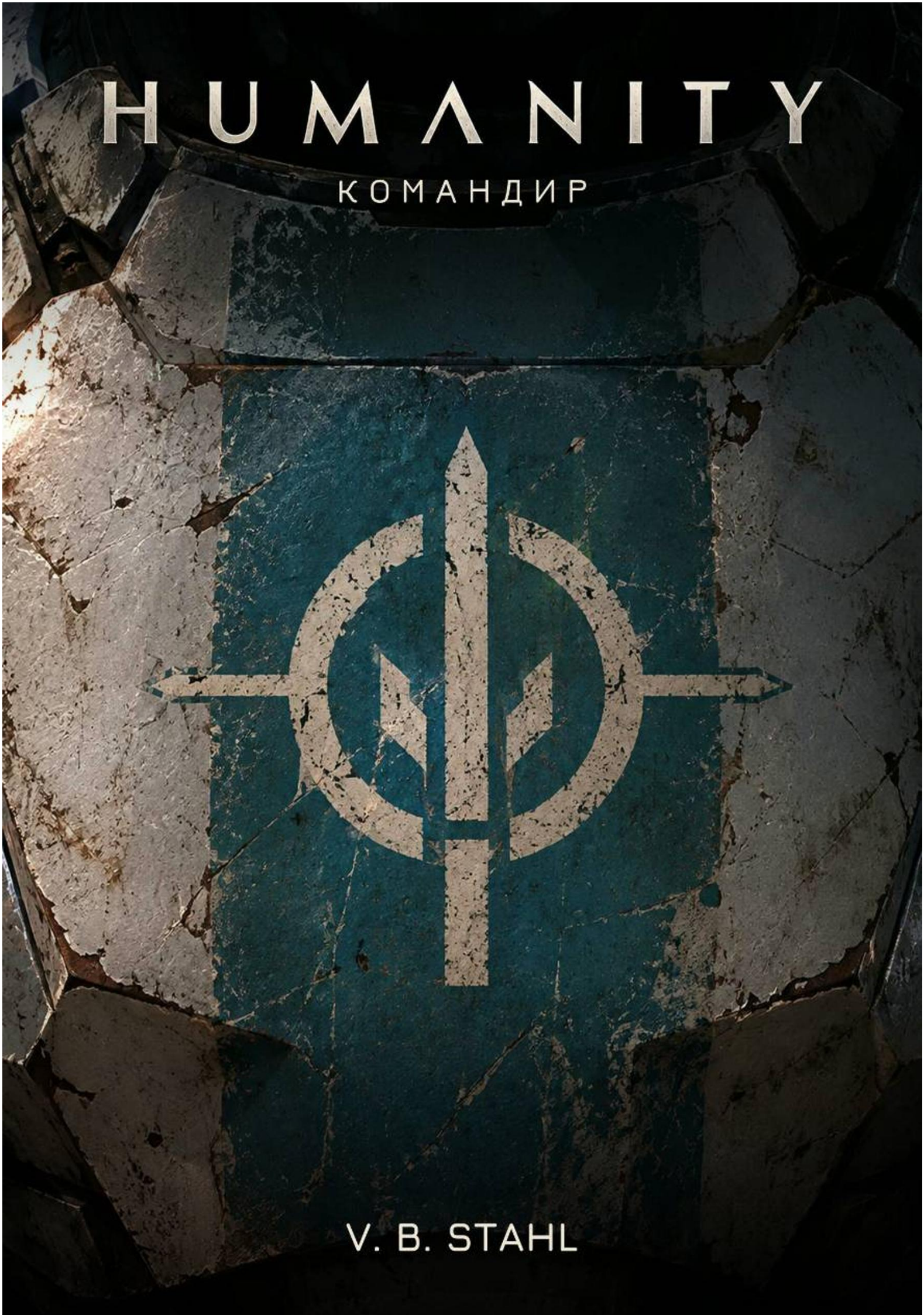
HUMANITY
КОМАНДИР
V. B. STAHL

V. B. Stahl

Humanity. Командир

«Автор»
2026

Stahl V.

Humanity. Командир / V. Stahl — «Автор», 2026

Император исчез. Его резиденция лежит в руинах внутри «Ока», за золотым свечением Прилива. А на окраинной планете Ксарос просыпаются машины, которых, как считается, не видели уже сотни лет.Кто теперь принесёт Империи порядок — и какую цену за это заплатит? Тот, кто готов стать образцом для других.Тот, кто никогда не ошибается. Тот, кто предан долгу. Или тот, кто верит в ценность жизни.Роман о человечности и о том, кто решает, чья жизнь дороже.

© Stahl V., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Командир 6
Глава 2. Заноза 14
Глава 3. Винтовка 19
Глава 4. Вести 26
Глава 5. Бельё 32
Конец ознакомительного фрагмента. 35

V. B. Stahl
Humanity. Командир

HUMANITY
КОМАНДИР
V. B. Stahl

Humanity. Командир
© V. B. Stahl, 2026

Все права защищены. Никакая часть книги не может быть воспроизведена в любой форме без письменного разрешения автора, кроме коротких цитат в отзывах.

Все персонажи, места и события вымышлены. Любые совпадения с реальными людьми, живыми или умершими, и с реальными событиями случайны.

Первое издание, 2026

Глава 1. Командир

Солнце Кальда всходило из-за ледяного моря. Сначала над вековым льдом проступила розовая полоса, потом золотая, и айсберги у горизонта загорелись по краям. Лучи легли на равнину низко, почти вровень с землёй, и каждая кочка протянула за собой длинную синюю тень.

Несмотря на обильные снегопады, снега здесь было меньше, чем, казалось, должно быть. Земля лежала бурая, в рыжем мху и красных пятнах лишайника; снег держался только в ложбинах, а между ними наружу выходил камень. С ледяного моря дул ветер — ровный, холодный, без единого порыва — и гнал позёмку понизу, через кочки и гряды, к горам на северо-западе. Через всю равнину, от гор к морю, тянулась замёрзшая река. Лёд на ней был ломаный, вздыбленный торосами, и в разломах чернела вода. Выше по течению из реки торчала ферма старого имперского моста: мост обрушился в лёд давно, и поднимать его никто не стал.

Империя помнила Кальд по налогам и складским космопортам. Налоги отсюда шли скудные, а склады стояли по всей окраине — казённые бетонные коробки у посадочных полей, куда когда-то привозили снабжение. Караваны давно сюда не доходили. Что окраина ела без них, в столице не спрашивали.

Один такой космопорт — посадочное поле со складами, на юго-востоке, у самого моря, — заняли мятежники. Над их лагерем поднимался жидкий дымок, и ветер сразу клал его набок.

Транспорт экспедиционного корпуса Империи перевалил через горы, прошёл над рекой и начал снижаться к бункеру, врезанному в подножие скалы. В челноке находился отряд, которому предстояло вернуть склад. Что на этом складе лежит, на борту не знал никто, и никто об этом не думал: приказ был вернуть, а не задавать вопросы.

Для этого отряда начинался последний день, когда война оставалась ремеслом, а не злым роком.

* * *

Рампа ещё опускалась, а Брат уже спрыгнул с неё на мёрзлую землю, будто хотел поскорее покончить с утомительной дорогой. Под ботинками хрустнул смёрзшийся мох. Ветер с ледяного моря ударил в лицо сразу, без предупреждения, и выбил из глаз слёзы. Брат прищурился, но шлем надевать не стал: землю, по которой предстояло идти, он предпочитал видеть своими глазами, а не через забрало.

Площадку перед бункером когда-то залили бетоном, и бетон стоял до сих пор — серый, в инее, в трещинах, из которых торчали бурые стебли. Ворота ангара уходили в скалу. Краска на них облезла, а имперский знак над воротами выцвел до бледного пятна — разобрать его мог только тот, кто заранее знал, что там нарисовано. Здесь давно ничего не красили. Брат отметил это и забыл: краска им не понадобится.

Бойцы сходили по рампе следом — светлая броня в сколах и рыжих точках ржавчины, бирюзовые полосы по гребням шлемов и наплечникам, на груди у каждого знак роты: кольцо, рассечённое прямым клинком. Песочные шарфы натягивали до самых забрал. Сержант спрыгнул вторым, поёжился и втянул голову в плечи, так что антенна на его шлеме закачалась.

— Брр, холодрыга, — глухо донеслось из-под шлема.

— Это Кальд. — Брат оглядел бурую равнину так, будто выбирал место для привала. — Самая тёплая планета на этой окраине. Я проверял.

Кто-то за спиной хмыкнул. Сержант не хмыкнул: он ждал задачи. Он всегда ждал задачи так, будто её могли отдать кому-нибудь другому.

— И какова наша задача?

— Мятежники заняли имперский склад. — Брат поднял руку и показал на юго-восток, где над краем равнины поднимался дымок. — Сначала надо его вернуть. Затем мятеж… —

он тщательно подбирал слова, — подавить. А если будут сопротивляться — вы сами знаете, что делать.

Перчатка на поднятой руке поймала низкое солнце. Тяжёлая, латная, из тёмных сегментов, со светлыми пластинками на пальцах и золотом по краям, она одна во всём его снаряжении не была выдана со склада корпуса. На тыльной стороне виднелась золотая звезда, в которой сидело круглое ядро, наполненное голубым светом; от ядра по пальцам и по запястью разбегались тонкие голубые линии, как жилы. Семейная вещь. Солдаты на неё всегда поглядывали, и Брат давно перестал это замечать.

— Я пойду к реке, посмотрю, сколько их. — Он повёл рукой левее, туда, где над грядами торчали решётчатые мачты связи. — Видишь вышку на холме? Младшой, тебе туда.

Последним по рампе сошёл боец, который весь перелёт что-то мурлыкал себе под нос — не песню, а так, мотив, привязавшийся неизвестно откуда. В отряде он был из тех, кто мурлычет в дороге и ворчит на привале, причём ворчит так, чтобы слышали все. Так его в отряде и звали — Ворчун. Он сунул руки под мышки, посмотрел на розовое небо и вздохнул.

— Согреться бы.

— Отличная идея! — Брат хлопнул его по наплечнику. — Вы как раз и займётесь развёртыванием базы, пока мы работаем. Вот и согреетесь.

Боец вздохнул ещё раз, теперь уже на весь отряд, и побрёл к ящикам. Мотив, который он мурлыкал, так и остался недопетым. Брат проводил его взглядом, усмехнулся, надел наконец шлем и махнул своим: к реке.

* * *

Ящики разгрузили быстро — на таком ветру медлить не хотелось никому, — и отряд сержанта пошёл тропой на юго-восток, вниз, к холмам.

Тропа петляла между валунами. Камни стояли в человеческий рост и выше, серые, обросшие рыжим лишайником, а между ними тянулись каменистые гряды, и ветер гудел в щелях низко, как в печной трубе. Сержант шёл первым. Брат всегда ходил первым, и сержант не представлял, как командир может ходить иначе.

— Патруль на тропе! — крикнул кто-то сзади.

Впереди, между камнями, мелькнули фигуры — три, потом четвёртая. Залатанные куртки, все разные, шарфы до глаз, очки на старых шлемах, и у каждого на плече одна тёмно-синяя пластина брони, старая и потёртая. Оружие у всех тоже было разное.

— В укрытие. Огонь по команде.

— Но тут нет укрытия! — Молодой стрелок за его спиной завертел головой.

— Видишь валуны? — Сержант дёрнул его за лямку ранца к ближайшему камню. — Они тут не для красоты, прояви смекалку.

Слова были не его. Брат говорил так на каждом учении, слово в слово, и сержант слышал их столько раз, что они вышли сами, вместе с голосом — с той же ленцой в конце. Он не удержался и закончил так, как закончил бы Брат:

— Ну, не только для красоты.

Стрелок хмыкнул и прижался к камню.

Стычка вышла короткой. Мятежники били из-за гряды; у их винтовок в прорезях светилось синее, и болты шли тяжело, с гулом, выбивая из валунов каменную крошку. Стрелки сержанта отвечали короткими вспышками — бирюзовый крест у дула, тонкая, почти белая игла, — и на третьей минуте гряда замолчала.

Сержант подошёл к убитому первым. Тот лежал на спине, раскинув руки; лицо открытое, обветренное, немолодое. Винтовка рядом с ним была имперская, старого образца, тяжелее нынешних, и приклад у неё был перемотан проволокой, виток к витку. Возле руки валялась пустая банка из пайка, чистая изнутри, будто вымытая.

Ворчун подошёл и встал рядом. В деле он никогда не ворчал — только до и после. «Баланс соблюдать надо» — так он оправдывался.

— Наше оружие, — протянул он, разглядывая проволоку на прикладе. — Старое, дед с таким ещё служил.

— Было наше, — отрезал сержант.

Он выпрямился, тронул модуль связи на шлеме и доложил — чётко, как на смотре:

— Патруль снят. Потерь нет.

В наушнике шумело: голоса, чей-то смех, хруст льда. Отряд Брата был у реки и, судя по звуку, занимался там чем-то своим.

— Угу. Молодец.

Сержант подождал ещё немного: вдруг Брат скажет что-нибудь сверх этого. Брат не сказал. Сержанту хватило и «молодец» — он поправил ремень винтовки и повёл отряд дальше.

У подножия холма голос Брата снова ожил в наушнике — будто Брат видел их с реки.

— Сержант, займи высоту у мачт. И сразу предвосхищая твой вопрос: да-да, ту самую, где ветер в лицо, другой у нас нет.

Ветер там и правда бил в лицо. Холм был самым высоким местом на всей равнине. Мачты связи стояли на решётчатых опорах, от них к земле тянулись растяжки, и ветер пел в них на разные голоса, тонко и протяжно. Рядом стояла вышка — старый имперский пост наблюдения, облупленный, но живой. Сержант лёг за камень у самого края и стал считать.

Отсюда было видно всё. Внизу лежала река — белая, в синих тенях торосов. Там, где она мелела, был брод; на нашем берегу у брода стояли баррикады и пушка, ещё в заводской упаковке. За рекой, в позёмке, шевелились фигуры. Их было много, и они не прятались. А дальше, у самого моря, над лагерем у остова поднимался дымок.

— Вижу переправу, — передал сержант, не отрывая глаз от того берега. — Их больше, чем мы думали.

— Сколько?

Он досчитал до двадцати, сбился и начал с другого края.

— Несколько десятков. Идут к броду.

Вдоль реки тянулась гряда, и сержант видел её всю, до последнего камня. За ней можно было спуститься к берегу, пройти незамеченными и выйти мятежникам во фланг, когда те полезут на лёд. Так сделал бы Брат — сержант был в этом уверен, как бывают уверены в песне, которую знают наизусть.

— Брат, я могу их обойти и ударить им во фланг.

В наушнике шумел ветер. Долго — дольше, чем нужно, чтобы просто сказать «нет».

— Держи брод. Я подойду.

Сержант отполз от края. Брод — тоже дело, сказал он себе: Брат доверил ему это. Сказал так твёрдо, что сам поверил.

* * *

Почти сразу после приказа с неба опустился второй транспорт и привёз подкрепление — молодой отряд, новобранцы. Шлемы они несли под мышкой, и сержант успел разглядеть лица — такие же новые, как снаряжение. Броня на них была без единой царапины, накидки ещё не выгорели, ботинки блестели на носах заводским блеском. По таким ботинкам сразу видно, кто ещё не ходил по этой земле.

— Сержант, куда нам? — послышалось в рации. Это был голос того, что сошёл первым. Голос звучал так, будто обращался к Генералу.

— Бегом к вышке. И держитесь за мной, не высовывайтесь.

Сержант бросил это коротко — так говорят старшие — и почувствовал, как голос новенького дрожит от восхищения. Это было приятно.

— Есть!

* * *

Когда подкрепление прибыло, отряд двинулся к броду.

Река здесь мелела, лёд стоял толще и неровнее, торосы торчали из него, как надгробия, а между ними в полыньях чернела вода. На нашем берегу ждали старые армейские припасы — ящики, мешки и бетонные блоки, — и пушка, та самая, новенькая. Так близко сержант видел её впервые: круглая платформа на четырёх тяжёлых колёсах, щит из наклонных плит по обе стороны длинного светлого ствола, восьмигранный дульный тормоз. Массивное оружие, впечатляющее.

Другой берег то пропадал в позёмке, то проступал снова. Под ногами потрескивал лёд.

— Идут через реку! — закричал кто-то с левого края.

— Видимо, патруль всё-таки доложил о нас. Держать брод. Пушку не отдавать.

Сержант сам удивился, как ровно у него это вышло.

Первая волна шла по льду россыпью. Фигуры выныривали из позёмки, падали за торосы, поднимались и снова бежали, и синие болты летели через реку с тяжёлым гулом. Стрелки отвечали из-за баррикад.

Новенькие вызвались занять артиллерийский расчёт, они ведь в учебке на таких и учились. Пушка стреляла прямо из транспортного ящика, и там, куда она ударила, лёд вздыбился и раскололся, и в разломе плеснула чёрная вода.

«Хорошо новобранцев учат», — отметил про себя сержант.

Живая волна откатилась.

Не успел сержант вернуться из своих мыслей, как услышал голос.

Голос пришёл на открытом канале, посреди стрельбы, — чужой, спокойный и усталый, как у человека, который давно не спал.

— Сержант. Я слышу ваш канал. Это наша земля. Уходите, пока можете уйти.

Сержант не сразу понял, что говорят с ним. А поняв, выпрямился за баррикадой, будто говоривший мог его видеть.

— Это земля Империи.

— Империя здесь давно не была. — Злости в голосе не было, одна усталость. — Мы и забыли, как она выглядит. Спасибо, что напомнили.

Канал щёлкнул и замолчал. Сержант не нашёл, что ответить, и решил, что отвечать и не нужно: за него ответит брод.

Вторая волна вышла из позёмки вся сразу и близко. Впереди шёл тяжёлый — высокий бородач с многоствольным пулемётом, от которого к ранцу тянулся толстый шланг, — и под его очередью баррикада у пушки задрожала, сползла и рассыпалась. Блоки покатились на лёд. Стрелок справа от сержанта — тот, что утром у валунов спрашивал про укрытие, — вдруг сел в снег, как садятся передохнуть, и больше не поднялся. Потом ещё один. Потом сержант перестал смотреть по сторонам.

Он кричал команды и сам не слышал, что кричит. В голове в такт выстрелам стучало одно — «я подойду, я подойду», — как строчка марша, которую подхватывает весь строй. Брат сказал: «Я подойду». Сержант держал брод и ждал.

Сначала он увидел свет.

Позади, со стороны базы, сквозь позёмку вспыхнула голубая звезда с лучами — коротко и ярко, как вспыхивает сварка. От неё по снегу побежала бирюзовая волна, и над баррикадой, над пушкой, над головами стрелков, снизу вверх, начал подниматься купол. Он встал до самой земли — энергетический щит, с сотами будто из тонкого стекла, который потрескивал и колебался от каждого дуновения. Щит гудел ровно и низко, так что гул отдавался в зубах. Синие болты били в купол и гасли: каждый оставлял на сотах короткую вспышку, и от неё по всему куполу бежала рябь.

Из позёмки вдоль баррикады шёл Брат, за ним — его отряд. Руку в перчатке Брат держал поднятой, и по пальцам у него трещали голубые разряды.

— Соскучились?

— Видал? — Ворчун толкнул локтем соседа с перевязанной рукой и тут же об этом пожалел. — Это у них семейное.

Солдаты засмеялись. Кто-то застучал прикладом по баррикаде — глухо, раз за разом, как бьют в барабан. Все смотрели на Брата.

Сержант тоже смотрел. Так это бывает в песнях: один человек выходит из бури, и буря отступает перед ним. В груди поднялось горячее, тесное — до слёз, — и сержант был рад, что под забралом этого никто не видит.

— Вот это командир! — крикнул кто-то.

Из-под купола стрелки били уже без опаски, и третья волна сломалась. Мятежники отходили по льду, оставляя за торосами тёмные пятна, и скоро позёмка снова закрыла тот берег.

Сержант подошёл к Брату и вытянулся, как на смотре.

— Задача выполнена.

— Не ранен? — Брат уже шёл к своим и спросил это через плечо. — Молодец.

Сержант открыл рот, чтобы ответить, что не ранен, но отвечать было уже некому. Он так и стоял с этим ответом, пока купол над бродом не погас — снизу вверх — и не рассыпался облаком бирюзовых искр.

— Все, кого зацепило, — бегом в медпункт, — окликнул отряд тот же голос, уже не обращая внимания на сержанта.

— Мёртвые герои мне ни к чему. Мне нужны живые и ворчащие.

Про мёртвых героев сержант решил, что Брат шутит. Брат часто шутил.

— Ворчащие — это мы умеем. Баланс соблюдать надо, — послышался голос бойца со своим золотым правилом.

* * *

К лагерю у остова вышли в полдень. Солнце так и не поднялось высоко: оно висело над морем, бледное, и даже теперь тени лежали длинные.

Лагерь стоял у самой воды — дальше была только кромка берега и ледяное море. Его обнесли баррикадой из контейнеров и мешков; за ней теснились сборные модули и тенты, на шестах торчали антенны. Всё было латаное, перевязанное проволокой — так же, как приклады их винтовок. Пахло дымом солярки и сырым брезентом. Посередине лежал остов разбитого транспорта — старый имперский корпус с содранной обшивкой, — и в проёмах его бортов висели одеяла. В нём жили.

Брат увидел одеяла и перевёл взгляд на баррикаду. Одеяла не стреляют.

Отряды вышли к баррикаде и встали. Мятежники ждали за ней — стволы наведены, в прорезях светится синее. Мужчины и женщины, бородачи и совсем молодые, все в разном, у каждого на плече тёмно-синяя пластина. Никто не стрелял. Тишина стояла такая, что слышно было, как ветер треплет край тента: хлоп — и снова хлоп.

На баррикаду поднялся человек. Немолодой, борода в инее, на плечах — старая имперская шинель без знаков. Брат узнал его по голосу раньше, чем разглядел: тот самый голос с открытого канала у брода, спокойный и усталый, — только теперь в лицо.

— Очень в духе Империи. — Говорил он негромко: ветер сам доносил слова. — Мы голодали и умирали, а о нас вспомнили, только когда мы взяли в руки оружие.

— Предатели! — выкрикнул кто-то из солдат за спиной у Брата.

— Они тоже люди, — бросил Брат, не оборачиваясь.

Он смотрел на командира. Тот стоял на баррикаде, открытый со всех сторон, и не пригибался.

— Сложите оружие и сдайтесь.

— Никогда!

Брат помолчал. Ответ был честный, а честный ответ Брат уважал: человек на баррикаде решил — и решил до конца. Значит, и Брату оставалось решать так же.

— …Огонь!

Штурм вышел коротким и тяжёлым. Брат шёл в первой цепи, с винтовкой, и стрелял туда, где в прорезях было знакомое синее свечение. Из-за контейнеров кричали — коротко, по делу: кто куда, где ячейки, кого прикрыть, — живые голоса, и страха в них Брат не слышал. Мятежники не бежали и не бросали оружия: их выбивали от контейнера к контейнеру, от модуля к модулю, и за каждый тент приходилось платить. Командир ополчения упал последним, так и не выпустив винтовки.

Потом стало тихо. Брат прошёл вдоль баррикады, глядя под ноги, чтобы не наступить. Мятежники лежали так, как их застал залп. Он кивнул сам себе, будто сверил счёт, и пошёл к остову — там ещё могли быть живые. Живых в остове не оказалось: одеяла, котелок на погасшей печке, чьи-то ботинки у порога.

Сержант и Ворчун тем временем вскрыли склад — бетонную коробку за остовом. Брат подошёл, когда дверь уже стояла открытой.

Стеллажи уходили в темноту рядами — пустые, до последней полки. На полу лежали два мешка, оба надорванные.

— Склад пустой, — доложил сержант.

Брат постоял в дверях. Ради этого склада они встали затемно, держали брод и брали лагерь — а возвращать оказалось нечего.

— Скверно… — Он отвернулся от стеллажей. — Заберите оружие и снаряжение с мёртвых.

— Но…

— Ресурсами не разбрасываются.

Сержант не договорил, и Брат не дал бы ему договорить. Склад пустой — значит, весь склад, какой здесь есть, лежит у баррикады в снегу: винтовки, подсумки, энергоячейки. Везти сюда новое было некому — это Брат понял ещё утром, глядя на облезлые ворота бункера.

Бойцы пошли вдоль баррикады, снимая с убитых винтовки и подсумки. Брат считал стволы. Краем глаза он видел, как сержант снимает с командира шинель, встряхивает её и вдруг замирает, разглядывая что-то на груди. На выцветшем сукне там светлел ровный прямоугольник: когда-то на этом месте был пришит знак, потом его спороли.

Сержант смотрел на этот прямоугольник долго. Брат на него смотреть не стал и вернулся к винтовкам.

* * *

К вечеру ветер стих. Небо над ледяной пустошью посинело, лёд погас, и единственным тёплым светом на всём берегу остался костёр. Его сложили посреди разбитого лагеря из пустых ящиков, и ящики горели жарко и с треском, а в огне щёлкали гвозди. Пахло горящим деревом. Тела мятежников унесли за остов. Своих положили под брезент у транспорта, рядком, и придавили края брезента камнями, хотя ветра уже не было.

Брат сидел у огня с бойцами и шутил. О чём — он забывал, едва договорив: шутки были не для того, чтобы их помнили. Бойцы смеялись, кто-то подбрасывал в огонь щепу, и смех уходил вверх вместе с искрами.

Сержант сидел в стороне, на ящике, с винтовкой на коленях. Шлем он снял и поставил рядом. Брат заметил его не сразу, а заметив, поднялся, подошёл и хлопнул по плечу.

— Я бы удержал брод… — Сержант не поднял головы.

— Удержал бы. — Брат сел рядом. — Но выпить было бы уже не с кем.

Сержант долго молчал. Огонь трещал.

— …Да, брат.

Брат покосился на него.

— Почему ты меня постоянно так называешь? Брат у меня один. И тот — та ещё заноза — Император.

Сказал — и сам усмехнулся. О брате он всегда думал так, с ворчанием, и по-другому не умел.

— Ты мне ведь и правда как брат. — Сержант повернулся к нему. Сидел он прямо, как на смотре, даже сейчас. — Извини, конечно, но я не перестану тебя так называть.

Брат посмотрел на него. Шутка уже была наготове — Брат чувствовал её, как чувствуют под пальцем спуск, — и он её не сказал.

— …Хорошая работа, Младшой. — Он поднялся. — Выпей со всеми.

Ворчун сидел у самого огня. Он начал первым — тихо, почти без голоса. Это был мотив с утренней рампы, только теперь со словами: имперский марш. Пел он его, глядя на брезент у транспорта. Подхватили по одному: сначала сосед, потом ещё двое, потом весь круг. Пели негромко, вполсилы, как поют не для себя. Брат не пел — слушал.

Связист вышел из транспорта с планшетом в руках. Марш ещё шёл. Связист постоял у края круга, будто хотел дождаться конца куплета, и не дождался.

— Срочное сообщение из столицы. Всем частям.

Он поднёс планшет к свету и прочитал — ровно, по-казённому, как читают то, что написали другие:

— «В резиденции Императора произошёл мощный взрыв. С Ксароса принят сигнал с имперским кодом, но больше связи с сектором нет. Всем частям оставаться на местах до решения Совета».

Марш оборвался на полуслове.

Брат смотрел в огонь. Ящик в середине костра прогорел и осел, выбросив искры, и Брат смотрел, как они поднимаются и гаснут. Только что он назвал брата занозой. Вокруг стало так тихо, что слышно было, как щёлкают в огне гвозди, — и по этой тишине Брат понял, что молчит слишком долго: дольше, чем его когда-нибудь видели молчащим.

— Мне нужны добровольцы. — Он поднял голову. — Транспорт уходит через час.

— Совет велел оставаться на местах, — негромко напомнил связист. Планшет он так и держал перед собой обеими руками.

— Совет далеко.

Встали руки. Ворчун поднял свою первым, не дожидаясь, пока поднимут другие.

Сержант поднялся с ящика.

— Я с тобой.

Брат посмотрел на него, потом на раненых у огня, потом на брезент у транспорта.

— Кто-то должен довезти раненых домой. Ты — кто-то.

Сержант ответил не сразу.

— …Есть.

Брат кивнул Ворчуну: ты — со мной. Тот не двинулся с места и посмотрел на сержанта: из отряда без слова командира не уходят. Сержант кивнул.

— Иди.

— Не скучай, Младшой, — бросил Брат, уже уходя к транспорту.

* * *

Транспорт ушёл в темноту. Сержант смотрел, как его огни поднимаются над морем, становятся меньше звёзд и теряются среди них. Потом не стало слышно и двигателей.

У костра остались он и раненые. Кто-то задремал, привалившись к ящику, кто-то смотрел в огонь. Брезент лежал там, где его оставили.

«Ты — кто-то». Сержант повторил это про себя и решил, что это тоже доверие: брод Брат ему доверил, теперь — раненых. Так он решил и дальше думать не стал.

Слов у него не было. Были слова марша — те, на которых марш оборвался. С них сержант и начал: вполголоса, один, с того самого места.

Он допел до конца. Раненые слушали молча, и никто не подхватил. Сержант и не ждал, чтобы подхватили.

Потом костёр прогорел до углей. Ветра давно не было, а холодно стало всё равно. Над Кальдом стояла тишина.

Глава 2. Заноза

Ночью в отсеке гасили верхний свет, и транспорт становился длинной тёмной коробкой, в которой гудели двигатели. Гул шёл по полу, по скамьям, по переборкам — ровный, без перебоев, — и через час его переставали слышать, как перестают слышать дождь по брезенту палатки.

Бойцы спали сидя, привалившись друг к другу плечами, в шинелях поверх брони. Кто-то посапывал под шлемом. Кто-то во сне уронил голову соседу на наплечник, и сосед, не просыпаясь, подвинулся, чтобы тому было удобнее.

Ворчун спал напротив, запрокинув голову к переборке, и мурлыкал. Без слов и не просыпаясь — тот самый мотив, что привязался к нему на рампе утром на Кальде и у вечернего костра оказался маршем. Во сне марш выходил медленным, домашним, обрывался всегда на одном и том же месте и начинался снова.

Брат не спал.

Он сидел у самой рампы, вытянув ноги поперёк прохода, и смотрел на свою руку. В темноте перчатка светилась: ядро в золотой звезде горело ровным голубым светом, и тонкие голубые линии от него расходились по пальцам до самых кончиков. Света хватало на колени, на край скамьи, на носки ботинок. Больше в отсеке не светилось ничего.

Новостей не было. Резиденция молчала с того вечера у костра, Ксарос — после единственного сигнала с имперским кодом. Брат сжал и разжал пальцы. Свет на них не дрогнул.

Код был имперский. Значит, на Ксаросе был кто-то, кто этот код знал, — а знали его немногие. Брат повертел эту мысль так и эдак, как вертят в пальцах незнакомую деталь, и отложил: сначала надо долететь. Потом попробовал придумать, что скажет брату, когда найдёт его, — что-нибудь про занозу, такое, чтобы тот захохотал, как умел только он, — до звона в стёклах. Шутка не придумалась.

Ворчун дотянул мотив до обрыва, помолчал и начал сначала. Брат закрыл глаза.

* * *

Над резиденцией челнок сбавил ход. Пилот, как всегда, просил не стоять у него над душой, и Брат, как всегда, стоял в дверях кабины и смотрел через его плечо. Золото обступило челнок со всех сторон и легло на стекло, и на миг за стеклом не стало ни верха, ни низа — только свет, который медленно ходил волнами. Челнок мягко качнуло, будто кто-то тронул его ладонью, — раз, другой, — и отпустило. Внизу проступили серые стены.

Челнок ещё садился на опоры, и рампа ещё шла вниз, а Брат уже спрыгнул с неё во двор резиденции, не дождавшись, пока она ляжет на камень, — будто каждая лишняя секунда на борту была украдена у чего-то поважнее. Камень под ботинками оказался тёплым. Пахло нагретой пылью и горячим металлом остывающих двигателей.

Снаружи резиденция была серой: тяжёлые стены из серого камня, ровная кладка, ни одного лишнего украшения. Так строят, когда думают, чтобы стояло, а не чтобы нравилось, — и Брату это как раз нравилось. Серым был только панцирь. За ним поднимались белые залы под широкими крышами, и в их высоких окнах дрожал золотой отсвет.

Над крышами стояло всё то же золото — спокойное, тихое. Брат глянул вверх мельком, как глядят на погоду перед маршем, и пошёл через двор.

Во дворе было людно: писари с папками под мышкой, курьер с тугой сумкой через плечо, у ворот — двое гвардейцев в белых доспехах. Гвардейцы увидели его и вытянулись. Честь они отдали не так, как отдают офицеру корпуса, а полным приветствием, медленно, с винтовкой у груди: так здесь встречали одного человека — и ещё того, кого считали следующим.

— Вольно, вольно. — Брат махнул им рукой в перчатке, не сбавляя шага. — Я в гости, не с проверкой.

Гвардейцы опустили винтовки. Один так и смотрел ему вслед, пока Брат не пересёк двор.

Навстречу, со стороны нижних ворот, шли люди в серых халатах — по двое на ящик. Ящики были гладкие, без надписей и тяжёлые: несли их осторожно, как несут то, что нельзя ронять, к широкому спуску в нижние ярусы. Туда Брат за все свои приезды не заходил ни разу. Он посторонился, пропуская ящики, и забыл о них раньше, чем последний скрылся в спуске.

Лестницу он взял через ступеньку.

В белых залах было прохладно и гулко. Шаги отдавались под высокими крышами, и Брату нравилось, как они здесь звучат, — громко, как дома, где никто не велит ходить тише.

* * *

Кабинет был в конце белой галереи, за высокой двустворчатой дверью. У двери стоял ещё один гвардеец. Он успел выпрямиться и набрать воздуха для доклада — и больше ничего не успел: Брат уже толкнул створку.

— Его…

— Сам доложусь.

Двери на террасу стояли распахнутыми, и золото с неба лежало на белом полу длинными полосами — полосы то разгорались, то бледнели. Пахло чернилами и тёплым камнем. Стола Брат не заметил. Он видел брата.

Император поднимался ему навстречу — широкий, тяжёлый, из тех, кто в любой комнате занимает больше места, чем ему отвели. Сколько Брат себя помнил, брат всегда был взрослым: когда младший ещё учился держать винтовку, старший уже водил полки. Седины на висках стало больше, чем в прошлый раз. Брат отметил это и тут же забыл: брат улыбался. От улыбки натянулся и побелел старый шрам — такой давний, что без него Брат старшего и не помнил. На плечах лежал тёмно-синий плащ семьи со звёздами по краю; Император носил его так же привычно, как когда-то носил походную шинель. Самому Брату такой плащ был ни к чему.

— Здравствуй, заноза. — Брат остановился посреди кабинета, в полосе золота. — Всё сидишь за бумагами?

— Братец!

Голос у Императора был низкий, привыкший перекрикивать ветер и стрельбу, и в кабинете ему было тесно: стёкла в дверях террасы отозвались на него тонким звоном. Император обнял его — тяжело, по-медвежьи, так что пластины брони на плечах у Брата скрипнули, — и хлопнул по спине, как хлопают коня после долгого перехода.

— Сижу, — признался он и махнул рукой себе за спину — на окно, на бумаги, на весь кабинет разом. — Эх, мне бы меч да помчаться в бой, а не вот это вот всё.

Брат посмотрел не туда, куда махнула рука, а на саму руку. Руки у брата остались солдатскими: широкие ладони, набитые костяшки, пальцы, которые помнили приклад и рукоять. Только теперь они были в чернилах — до второго сустава.

— Меч твой на Палатине, — напомнил Брат. — У кресла стоит. Советников стережёт.

— Пусть стережёт. — Император хмыкнул. — При нём они хоть вспоминают, кто их туда посадил. — Он кивнул на броню Брата, на бирюзовые полосы по наплечникам. — Ну, рассказывай. Чем там у вас пахнет?

— Ружейной смазкой и сырыми шинелями. — Брат подумал и добавил: — И песнями. Есть у меня один — всю дорогу мурлычет, а на привале ворчит. Баланс, говорит, соблюдать надо.

— Счастливый, — вздохнул Император, и шутки в этом не было ни капли.

Брат засмеялся и сел на подоконник — так он садился здесь всегда, сколько себя помнил, — спиной к золоту, лицом к старшему.

* * *

— Ладно. — Император посерьёзнел, и голос у него ушёл ниже, хотя тише не стал. — Звал я тебя не байки травить. Кальд знаешь?

— Окраина. — Брат пожал плечами. — Лёд, ветер, а налоги оттуда капают по капле.

— Самая тёплая планета на той окраине. Так мне пишут.

— Врут.

— Вот и проверишь. — Император не улыбнулся, только глаза у него сощурились, и этот прищур Брат знал с детства. — Там мятеж. Они заняли наш склад в космопорту, у самого моря. Склад надо вернуть.

— Кто их поднял?

Император помолчал — самую малость.

— Один из моих «союзников». — Слово он выговорил коротко, будто сплюнул. — Бывший советник. Ушёл из Совета и увёл за собой окраины.

Кто их поднял, Брата занимало меньше, чем где они засели. Он уже соскочил с подоконника, и Император, будто знал это заранее, о бывшем советнике больше не сказал ни слова. Сказал о горах на северо-западе и о старом бункере под ними, о порте на юго-востоке, у моря, и о реке, которая шла между ними через всю равнину.

— Река замёрзшая?

— Там всё замёрзшее.

— Тогда по льду они пойдут там, где мелко. — Брат провёл перчаткой по воздуху, и голубые линии на пальцах прочертили в золотом свете реку. — Брод. Держать будут его — больше там держать нечего. Садимся у бункера. Одного толкового — на высоту, пусть считает. Сам — к реке, посмотреть, сколько их. Брод берём, а от брода до склада рукой подать. Высота-то там есть?

— Холм над рекой. На нём старые мачты связи.

— Вот туда и толкового.

Он ходил по кабинету — от двери к террасе и обратно, — и карта, которой не было, вставала за ним в воздухе: здесь горы, здесь лёд, здесь море. Император слушал, наклонив голову, и пальцы у него чуть шевелились на весу, будто он вёл по той же карте следом. В лице у него проступило что-то давнее, походное. Таким Брат помнил его в войну объединения — над картой в палатке, при свете переносной лампы, когда до рассвета оставалось два часа, а спать никто и не думал.

— Высоту бери первой, — вставил Император. — Кто сверху, тот и считает.

— Так и задумано.

— А если они сами к тебе через брод полезут?

— Тем лучше. — Брат даже остановился. — На льду не спрячешься. Роты хватит. За день управимся.

Император кивнул. Брат поймал этот кивок на лету, как ловят брошенную энергоячейку, и пошёл по кабинету дальше, уже быстрее.

Потом Император отвернулся к террасе, и голос у него стал ровным — тем, каким отдают приказы, не обсуждая.

— Надо показать всем, что бывает с предателями. И так слишком долго им потакал.

Сказал он это негромко — для себя негромко, — и стёкла всё равно отозвались. Рука Брата остановилась в воздухе посреди реки.

— А если они согласятся сложить оружие?

Император обернулся. Посмотрел на него не сердито, а так, как старшие смотрят на младших, когда те в который раз спрашивают, почему ночью темно.

— Эх, братец. — Вздох вышел почти весёлым. — Когда-нибудь ты поймёшь. — Он махнул рукой. — Но так уж и быть: если сложат оружие — я подумаю над тем, чтобы дать им шанс.

Брату этого хватило. Он опустил руку, и река, брод и порт растаяли в золоте на полу. Что лежит на том складе, он так и не спросил: склад был задачей, а не вопросом.

* * *

— Знаешь, что мне на днях прислали с Палатина? — Император потянулся за спину, к бумагам, и подцепил первый попавшийся лист. — Прошение. Сократить переписку Совета с резиденцией: курьеры, видите ли, дорого обходятся казне. На двенадцати листах. — Он бросил лист обратно, не посмотрев, куда тот упал. — Прислали со срочным курьером.

Брат захохотал — громче, чем шутка того стоила, так громко, что гвардеец за дверью наверняка вздрогнул. Он и сам слышал, что смеётся слишком громко, и остановиться не мог.

Император дал ему отсмеяться.

— Совет опять спрашивал про наследника.

Смех ушёл из Брата не сразу: он ещё сидел в нём, как сидит в ногах бег, когда уже остановился.

— Это не для меня, ты же знаешь.

Ответ вышел быстрым и гладким, как всё, что повторяешь много лет.

— Знаю. — Император смотрел на него прямо, и Брат сам не заметил, как выпрямился под этим взглядом, — так он не стоял ни перед строем, ни перед Советом. — Надеюсь, ты всё-таки передумаешь. Тебе стоит быть порешительнее, братец.

Шутка нашлась раньше, чем он успел подумать.

— Куда уж решительнее? Я к тебе без доклада вошёл. Твой гвардеец до сих пор рот закрыть не может.

Император не засмеялся. Он всё так же смотрел на Брата, и под глазами у него лежали тени, каких Брат в прошлый раз не помнил. Брат решил, что тот просто устал: от писем, от прошений на двенадцати листах, от этого кабинета, где голосу тесно.

— Пойдём на воздух, заноза. — Он кивнул на распахнутые двери. — Ты тут совсем засиделся.

* * *

Терраса висела выше белых крыш, и неба с неё было видно больше, чем земли. Внизу лежал двор — челнок на опорах, пилот у рампы, серые стены, — а дальше, за стенами, всё тонуло в золотом мареве. Через двор к воротам спешил курьер — тот самый, с тугой сумкой через плечо.

— Вон, ещё двенадцать листов понесли, — кивнул на него Брат.

Император только хмыкнул.

Небо над резиденцией было золотым — не всё сразу, а волнами. Свет поднимался из-за края неба, медленно катился над крышами, редел, гас, и за ним уже шёл следующий, а за тем — ещё один. Звука у него не было никакого. Золото ложилось на белые стены внизу, на камень парапета, на лица — ложилось и уходило, и тени от этого шевелились. Так ходит по своду палатки отсвет костра, когда снаружи ветер.

Люди звали это Приливом. Слово было старое и простое, как всё, что придумывают не учёные, а те, кто смотрит на небо с земли: свет приходит и уходит волнами, как вода у берега, — значит, прилив. Что это такое на самом деле, не знал никто. Знали только, что здесь он тихий и сквозь него можно летать, как летают куда угодно. Зачем брат поселился под самым Приливом, Брат никогда не спрашивал. Тихо, до Палатина далеко — этого, наверное, и хватало.

Брату на этой террасе всегда было не по себе. Так бывает на краю высокой стены: знаешь, что не упадёшь, а ноги всё равно помнят высоту. Он постоял, держась за парапет.

— Красиво, — выговорил он наконец. — И пугающе.

— Да. — Император встал рядом и положил на парапет обе руки, тяжело, как кладут их на бруствер. — Красиво.

Он помолчал.

— Много знаний всё-таки человечество потеряло — только и остаётся, что реликвиями пользоваться да на удачу полагаться. А ведь говорят, раньше это было в порядке вещей.

Брат ждал продолжения. Продолжения не было. Император смотрел на Прилив — дольше, чем нужно, чтобы просто полюбоваться. Брат успел сосчитать три волны, потом четыре, потом сбился, а брат всё смотрел, не мигая, и золото ходило по его лицу — по седым вискам, по старому шраму, по сжатым губам.

Внизу пилот поднял голову к террасе и развёл руками: пора.

Брат оттолкнулся от парапета.

* * *

— Роту, значит, — проговорил Император уже в кабинете, у дверей. — А обратно сколько привезёшь?

— Всех. — Брат ответил не задумываясь и ухмыльнулся. — Живых и ворчащих.

Император долго смотрел на него — будто взвешивал что-то на ладони и не мог решить, тяжело это или легко.

— Ты бережёшь людей. Лучше меня.

Брат услышал похвалу. Похвалы от брата перепадали ему нечасто, и эту он понёс с собой, как полную флягу на марше, чтобы не расплескать, — до самого челнока и дальше, до Кальда.

— Как управишься — доложи, — добавил Император. — Мне, а не Совету.

— Есть доложить. — Брат вытянулся с таким усердием, что сам едва не прыснул.

Император протянул руку. Брат пожал её — перчаткой, как всегда. Широкая ладонь в чернилах легла на голубые линии, сжала и отпустила не сразу.

Брат уже шагнул за порог, когда ему в спину донеслось:

— Не скучай, братец.

Он засмеялся и, не оборачиваясь, махнул через плечо перчаткой. Гвардеец у двери отдал ему честь — полным приветствием, — и Брат на ходу махнул и ему.

Шаги простучали по галерее, по лестнице — через ступеньку — и стихли внизу. Гвардеец закрыл створку. Во дворе загудел челнок; гул поднялся над крышами, прошёл над террасой и ушёл в золото.

Император стоял у распахнутых дверей террасы, пока гул не стих совсем. Потом вернулся к столу.

На столе у Императора лежала кипа бумаг: отчёт от Совета, извещение от казначейства Империи, документы, наполовину скрытые под стопкой, с тиснёным оттиском — две черты, сведённые кверху, но так и не сошедшиеся, — целая папка, обмотанная бечёвкой, с печатью в виде солнца — герба императорского двора, письмо от губернатора Верны и ещё множество других.

Император сел, придвинул к себе верхний лист и обмакнул перо. Золото с неба легло на бумаги, ушло и легло снова.

Казалось, что он навечно будет прикован к своему письменному столу.

Глава 3. Винтовка

«Око» показалось на исходе перелёта.

Корабль шёл к Ксаросу широкой дугой: ближе подходить было нельзя, и пилот держался от системы резиденции так далеко, как позволял курс. Бойцы по очереди подходили к смотровой щели в отсеке, смотрели и отходили молча. Брат подошёл последним и остался.

Сначала это было похоже на зарю там, где зари не бывает: в черноте впереди проступило золото. Потом стало видно, что золото движется. Свет ходил волнами, как прибой, — накатывал, отступал и накатывал снова, и от каждой волны по небу расходились разводы. Вспыхивало без грома. Казалось, будто там, внутри, кто-то медленно дышит. В середине, где разводы сходились, лежало тёмное пятно, и золото обнимало его кольцом. Издалека всё вместе было похоже на глаз — на зрачок с золотой каймой. Потому его и прозвали «Оком».

Внутри зрачка не было видно ничего, только энергия, золото и несколько крупных астероидов. Но все на корабле знали — где-то там планета резиденции.

Связист — тот самый, что на Кальде напомнил о приказе Совета, а через час всё-таки поднялся в транспорт, — сидел рядом и перебирал на планшете каналы резиденции, один за другим, по списку. В наушниках у него шипело ровно, без единого слова, и шипение то нарастало, то спадало в такт тому, как накатывал свет. Связист дошёл до конца списка и начал сначала.

Брат стоял, держась за поручень, и свет из щели ложился ему на лицо золотыми пятнами. Он смотрел долго. Потом поймал себя на том, что считает вспышки, сбился и бросил. Он отошёл от щели и сел проверять винтовку, хотя проверял её уже дважды.

Дважды пилот поворачивал корабль в «Око», и дважды волна энергии отбивала его назад, как морская волна. Вероятно, ни один корабль не смог бы пройти через бушующий в системе Прилив.

— Надеюсь, ты там, — прозвучало в голове Брата Императора, после чего попытки сесть в резиденции были брошены и экспедиция отправилась по следу сигнала с Ксароса.

* * *

Корабль заходил на посадку, когда солнце уже клонилось к краю плато. Оно висело низко и казалось огромным, а в рыжем свете светилась сама пыль: ни земли, ни неба, одно медное марево. Далеко на востоке, над ровной линией горизонта, небо едва заметно переливалось золотыми разводами.

Рампа опустилась на спёкшийся красный камень, присыпанный песком, мелким, как мука. Брат вновь спрыгнул первым, и после льда Кальда жар ударил его, как открытая дверь печи. День кончался, но земля всё ещё отдавала накопленное тепло, и воздух над ней дрожал.

Вокруг из песка поднимались шпили песчаника — поодиночке и целыми рощами, выветренные, слоистые, похожие на стопки ржавых тарелок. Между ними тянул слабый горячий ветер и гнал песок понизу, у самых ботинок. Ни облака, ни птицы, ни звука, кроме этого шороха. А на севере, за грядой, тёмным силуэтом на закатном небе стояли трубы завода.

Бойцы сходили следом. Броня хорошо защищала от холода, но многих в перелёте всё равно знобило, и они так и спустились в шинелях поверх брони — теперь стаскивали их на ходу, путаясь в рукавах. Песочные шарфы натягивали до самых забрал: на Кальде — от ветра, здесь — от пыли. Песок всё равно заскрипел на зубах. После снега к нему никак было не привыкнуть.

Ворчун стянул шинель, перекинул её через руку и огляделся.

— Жарковато.

— Ты же хотел согреться.

Кто-то засмеялся — коротко, как смеются в незнакомом месте.

— Сигнал точно пришёл отсюда? — Молодой стрелок щурился, оглядываясь по сторонам.

— В паре миль отсюда, за грядой.

— Но почему Ксарос, а не резиденция?

— Не знаю. Но ты сам видел — к резиденции не подобраться, там бушует Прилив.

— Надеюсь, Император жив, — негромко проговорил Ворчун, ни к кому особенно не обращаясь.

Брат не ответил. Он посмотрел на восток, туда, где над горизонтом переливалось золото, и не отводил глаз, пока связист не оторвался от планшета.

— Сэр, опять тот же сигнал, но слабее. Полторы мили на северо-восток.

— Выдвигаемся. — Брат поправил ремень винтовки. — Лагерь не разбиваем, идём налегке: что нужно, несём на себе.

* * *

До гряды отряд шёл сквозь скальные шпили. Тени от них лежали длинные, как в то утро на Кальде, только здесь они были не синие, а рыжие, и песок в них не остывал. Воздух был такой сухой, что губы трескались уже через полчаса. Брат шёл первым и слышал за спиной, как шуршит песок по броне и как кто-то сплёвывает его сквозь шарф.

Гряда была невысокая, но песок на склоне полз из-под ног, и наверх выбрались не сразу. С гребня открылось то, что пряталось за ней.

Внизу лежали руины — старые, брошенные ещё со времён войны объединения: стены без крыш, провалы окон, обломки, занесённые песком. За ними начинался карьер — ступенчатая выемка в плато, уходящая вниз уступами. А дальше, ближе к заводу, руины кончались, и начинались постройки, которые кто-то чинил.

Чинили машины.

Брат сначала увидел только движение — ровное, без суеты. У старой стены в трещинах стояли высокие тонкие фигуры на длинных ногах, похожие на цапель на мелководье, и длинными руками дотягивались до самого верха кладки. На стену ложились тёмные плиты — сталь с тёплым отливом, рубленая, на крупных заклёпках, внахлёст, как чешуя. Там, где плиту приваривали, резак шипел, как вода на раскалённом железе, и шов светился красным, а потом медленно гас, как остывающий уголь. Между руинами ходила машина другого склада — пониже, но вдвое шире, с огромными руками и маленькой головой, утопленной между плечами. От её шагов вздрагивал песок. Она брала обломок, который не подняли бы и четверо, относила к штабелю и клала ровно, край к краю.

Лиц у машин не было. Голова — закрытый угловатый шлем, и через него сверху вниз — одна узкая щель, в которой ровно горел красный свет. Ни одна щель не повернулась к людям.

Штабели стояли ровные, обломок к обломку, плиты на стене сходились без зазора, и нигде ничего не валялось. Так никто из людей не прибирается. Брат отметил это и отложил: сейчас было не до штабелей. Вдали, у пересохшего водоёма, виднелся рабочий посёлок. Дома стояли целые, но ни над одной трубой не было дыма. На посёлок Брат посмотрел дольше, чем было нужно, и ничего не сказал.

Пахло горячей пылью, ржавчиной и раскалённым камнем. Завод, который должен был гудеть, молчал. Вместо гула стоял стрекот и щелчки, лязгал погрузчик, глухо стукались друг о друга плиты.

— Это роботы? — Стрелок рядом с Братом даже привстал. — Но в Империи роботов не используют. Да и до Империи их не производили уже сотни лет.

— Может, тут живёт коллекционер старья? — предположил кто-то сзади.

— Что-то таскают… — вполголоса заметил третий.

Брат видел, как пальцы у стрелков сами ложатся на спуск — и тут же уходят обратно на скобу.

— Не стрелять. — Брат первым опустил ствол, чтобы видели все. — Проследим, откуда они идут.

Они спустились к руинам и пошли вдоль них, держась в стороне от машин. Шли осторожно, как ходят по чужому двору. Песок шуршал по броне, по стёклам шлемов.

Одна из высоких машин вдруг отделилась от стены и пошла за ближайшим бойцом — неторопливо, на своих длинных ногах. Она наклонилась, так что красная щель оказалась вровень со шлемом бойца, и застрекотала — тихо и быстро, с щелчками, то выше, то ниже. Брату на миг показалось, что в этом стрекоте есть что-то похожее на вопрос. Он отогнал эту мысль: не предполагай того, чего нет.

— Командир, оно за мной идёт. — Боец пятился, не опуская винтовки. — Оно за мной идёт!

— Кажется, ты ему понравился, — ухмыльнулся кто-то из стрелков.

— Он что-то говорит? Похоже на сломанный дедов радиоприёмник.

— Эй, эй, уйди от меня!

— Без паники и резких движений. — Брат не повысил голоса. — Отойди от него в сторону.

Боец отступил, потом ещё. Спустя несколько шагов машина остановилась — будто упёрлась в невидимую стену, которую видела только она, — постояла, не сводя щели с бойца, и вернулась к стене. Резак у неё в руке снова зашипел.

— Что оно хотело? — Боец всё ещё держал винтовку у плеча.

— Не знаю. Может, поздороваться.

Засмеялись все, кроме бойца.

Затем рядом с рабочими появились две фигуры, сложенные иначе: ниже тех, высоких, но шире в плечах, угловатые, похожие на людей больше, чем остальные. Каждая держала длинную тяжёлую винтовку, словно собранную из стальных брусков, и на боку у винтовки, в стеклянной колбе, горело красное. Две фигуры постояли, повернув щели к людям, и ушли за стену.

— Они теперь и с оружием ходят.

— Всем быть начеку. Без необходимости огонь не открывать.

Что считать необходимостью, Брат не сказал. Ему казалось, это и так понятно.

* * *

К воротам завода вышли, когда свет стал медным. Тени от стен и труб легли через весь двор, длинные, как дороги.

Перед воротами было открытое место — песок, утоптанный до твёрдости. Сами ворота поднимались во всю высоту стены и были уже обшиты сталью; по шву между створками тянулась красная щель. Трубы над стеной надставили, и они стали выше, чем их строили, а на верхушках горели красные огни. Где-то глубоко за стеной, за решётками, низко и ровно дышали печи, и в щелях решёток стоял оранжевый жар.

Охраны здесь было больше, чем у рабочих. Машины стояли у ворот ровно и одинаково — одна и та же стойка, одна и та же высота плеч, — и строй их был похож на один механизм. Отряды остановились на краю утоптанного места. Никто не командовал остановиться: просто дальше ноги не шли. Стало слышно, как песок шуршит по броне и как дышат бойцы — громче, чем в пути. Свою винтовку Брат держал стволом вниз: пусть видят.

— Эй, они опять идут, — бросил кто-то вполголоса.

От ворот к людям шла машина. Она была выше любого из бойцов на голову, угловатая, собранная из тёмных стальных плит на заклёпках; по краям плит проступала рыжина — ржавчина и медная окалина. На плечах и коленях поворачивались круглые шарниры, похожие на диски, а между плитами виднелись тяги и кабели. На груди рыжей краской был нанесён знак — по трафарету, местами стёртый.

Машина остановилась в трёх шагах от ближайшего бойца. Ближайшим оказался тот, за кем у руин ходил рабочий. Щель не мигнула и не сдвинулась: она смотрела прямо, и никто не мог сказать, на кого именно.

Потом машина подняла ладонь — медленно, как поднимают руку, чтобы успокоить пугливую лошадь, — и так же медленно её опустила.

— Не подходи! — Голос у бойца сорвался.

Машина протянула руку к его винтовке.

— Эй, не трогай оружие!

— Успокойся! — прикрикнул Брат. — Не стрелять!

Механические пальцы сомкнулись на стволе. Машина потянула — несильно и ровно, как отбирают игрушку у непослушного ребёнка. Боец не отдал. Он рванул винтовку на себя, машина не отпустила, и ствол заходил между ними вверх и вниз.

— Отдай! — Боец упирался ногами в песок. — Отпусти!

Брат видел, как палец бойца соскользнул со скобы на спуск, и шагнул к ним.

Выстрел ударил в упор — бирюзовый крест у самого дула, короткая белая игла, — и машина отшатнулась. Постояла. Упала навзничь, подняв песок. Красный свет в её щели погас не сразу.

Секунду было слышно только ветер.

Потом за спиной что-то звякнуло — раз, другой, много раз подряд: рабочие у стены бросили инструмент. И все красные щели — у ворот, на стене, у штабелей — разом повернулись к людям.

— …В укрытие!

* * *

Первый сгусток плазмы прошёл над головами — толстый, рыжий, с рваным огненным шлейфом — и разорвался о стену позади, разбрызгав огненные капли по песку. Потом их стало много.

— Все ко мне. Под щит.

Ядро перчатки вспыхнуло первым. Над каждым отрядом снизу вверх поднялся купол — бирюзовые соты, светлые рёбра, они такой уже видели на Кальде. Плазма ударила в купола. На каждом попадании вспыхивала оранжево-белая звезда, соседние ячейки загорались, и по всему щиту бежала рябь. Щиты гудели, но держали.

— Работает. — Брат выдохнул. — Теперь — вперёд, по одному.

Отряды выходили из-под куполов и били, и купола шли вместе с ними, от укрытия к укрытию. Бой пошёл от стены к стене — между цехами, за бетонными блоками и за теми самыми штабелями, которые машины сложили так аккуратно. Плазма выбивала из бетона куски, и с краёв блоков сыпалась горячая крошка. Брат стрелял сам — коротко, в щель, туда, где горел красный свет.

Машины падали по две, по три сразу, тяжело, с лязгом. Падали и люди, но меньше. Брат видел, как плазма ударила стрелка в бок: по броне пробежала бирюзовая рябь защитного поля, потом рвануло оранжевым, и стрелок больше не встал. Брат видел это — и шёл дальше. Пахло горелой изоляцией и озоном.

У ближней упавшей машины на груди был тот самый рыжий знак — треугольник остриём вверх, раскрытый у вершины, и сквозь него, сверху вниз, щель. Знака Брат не знал. Он перешагнул через машину.

Из-за цехов вышла новая волна, плотнее прежней.

— Мы почти добрались до источника сигнала! — Брат поднял перчатку, и купола встали снова. — Держать позиции!

Источник был где-то за этими стенами, совсем близко, и Брат держал позиции так, будто держал дверь. Волна разбилась о купола и откатилась. Внешнее кольцо осталось за людьми.

* * *

Отряды укрылись во дворе между цехами, в тени высокой стены. Пыль оседала медленно, и в косом медном свете было видно каждую пылинку. Стало слышно собственное дыхание. Над крышей цеха, на фоне закатного неба, поднималась решётчатая мачта.

Бойцы сели к стене. Один вытряхивал песок из ботинка, другой молча менял энергоячейку в магазине. Брат пересчитал своих — молча, по шлемам. Счёт вышел меньше, чем на посадке. Брат его запомнил и больше к нему не возвращался.

— Может, Императора схватили машины? — Тот, что вытряхивал песок, поднял голову.

— Или он сам сюда эвакуировался после взрыва. Код-то его.

— Если Император у них — мы его вытащим. — Ворчун повернулся к Брату. — Правда, командир?

— Вот же заноза.

Слово вышло само, вполголоса, — то самое, которым Брат у костра назвал брата.

— Что?

Брат помолчал.

— Ничего. — Он поднялся. — Впереди мачта связи — видимо, нам туда. Выдвигаемся.

* * *

Чем глубже к сердцу завода, тем меньше оставалось старого бетона и тем больше становилось стали и красного света. Мачта стояла у самых цехов, решётчатая и высокая.

У основания мачты была машинная панель. Она вросла в старый корпус, как гриб в пень: тёмные плиты легли поверх имперской краски, и между ними проглядывал имперский знак, стёртый наполовину. Панель была в пыли и мигала — ровно, через один и тот же промежуток.

Брат подошёл вплотную и провёл перчаткой по панели. Пыль сошла, сталь под ней была тёплая, и мигание теперь шло прямо под пальцами.

Связист поднял планшет. Огонёк сигнала на нём мигал в том же ритме. Тот же код, что приняли на Кальде.

Вокруг не было никого — ни людей, ни даже их следов. Ни брошенной вещи, ни отпечатка ботинка, кроме их собственных. Только машины, имперский код и пустой двор, прибранный так же аккуратно, как штабели у руин.

— Это… наш сигнал? — Ворчун переводил взгляд с панели на планшет и обратно.

— Наш.

Брат смотрел на мигание. Знак на старом корпусе, панель поверх знака, огонёк в такт. Кто-то взял имперский код и позвал по нему. Позвал сюда, где нет никого.

— Это ловушка.

* * *

Он ещё договаривал, когда с крыши цеха окликнул наблюдатель — тот, что всю дорогу смотрел дальше всех в окуляр на кронштейне шлема.

— Сэр, они приближаются.

Машины вышли справа, слева и сзади, все сразу. Это была уже не охрана у ворот. Они шли согласованно, как один механизм, и ни одна не забегала вперёд других. На крышах цехов встали высокие тонкие фигуры — те самые, что приваривали плиты у руин, — и теперь в их длинных руках были винтовки, ещё длиннее, чем у охраны. Перед выстрелом у дула вставали красные кольца и слышался гул. Дорогу, которой пришли, закрыли.

— Уходим. Через ангар, за мной.

Ангар был тёмный, гулкий и длинный, с воротами во всю стену. Каждый шаг отдавался в нём эхом, и казалось, что людей здесь вдвое больше, чем на самом деле. Пахло старым маслом и холодным железом. Под потолком висели краны, а где-то за ними, в глубине, мелькали красные щели. Брат вёл не оборачиваясь.

Из ангара путь лёг между цехами и скалой, и проход сузился так, что в нём едва разошлись бы две фигуры. Здесь старший одного из отрядов остановился. Брат знал его по крупному наплечнику и по тому, что тот никогда не спорил.

— Иди, командир. Мы догоним.

Его бойцы уже ложились у прохода. Один менял ячейку в магазине, другой подкатывал к щели между камнями бетонный обломок. Брат смотрел на них и молчал.

— Пять минут. Не больше.

Брат увёл остальных. Позади, у прохода, долго стоял шум боя. Брат шёл и не оборачивался. Затем шум утих. Пяти минут ещё не прошло.

Машины не отставали. Они не бежали и не кричали — шли ровно, тем же шагом, что и у ворот, и красные щели мелькали то справа, между цехами, то слева, на скалах. Брат поднимал щит, купол вставал над теми, кто был рядом, гудел, гас — и Брат поднимал его снова. Ядро перчатки с каждым разом вспыхивало медленнее. Связиста Брат потерял где-то за ангаром: оглянулся — а огонька планшета в строю уже не было.

Солнце ушло за край плато, и небо стало гаснуть — от рыжего к бурому. Разлом открылся сразу, без предупреждения: узкий, глубокий, с отвесными стенами, а через него — старый мост. До моста дошли два отряда. Настил загудел под ногами, и в щелях между плитами внизу стояла темнота. На середине моста ядро перчатки мигнуло в последний раз и погасло, и запахло горелым металлом.

* * *

За разломом поднимался невысокий гребень — песок и камень, последний отсвет заката на вершине. К гребню вышел один отряд. На том склоне от отряда остался один боец.

Ворчун сидел в песке у подножия гребня, привалившись к камню, и держался за бок.

Брат подхватил его под спину и под колени и поднял. Ремень винтовки соскользнул с плеча, и винтовка упала в песок. Брат видел, как она падает — боком, медленно, — и как песок принимает её без звука. Поднимать он не стал: руки были заняты.

— Лучше бы мы остались на Кальде.

— Жарковато стало? — Брат перехватил его поудобнее. — Отправлю тебя обратно первым же рейсом.

Он шёл медленно. Боец был тяжёлый — броня, ранец, накидка, — и с каждым шагом становился тяжелее. Песок проседал под двойным весом, мёртвая перчатка тянула руку, как камень. Брат слышал своё дыхание — частое, хриплое, громче шагов, — и больше почти ничего не слышал. Дыхание бойца он чувствовал шеей, сквозь шарф: короткое, неровное, то чаще, то реже. Брат шёл и следил за ним, как следят за огоньком на планшете.

Один раз он обернулся. На гребне, на фоне догоревшего неба, стояли три машины. Красные щели смотрели вниз, на него. Винтовки машины держали опущенными. Они стояли и не целились.

— Командир… — выдохнул боец ему в плечо.

Дальше он не договорил. Что машины стоят? Что ему худо? Что они почему-то не стреляют? Брат не стал спрашивать. Ответ на всё был один.

— …Знаю.

Голова бойца опустилась ему на плечо. Больше он ничего не сказал.

Брат не остановился. Солнце ушло совсем, и над восточным горизонтом, там, где было «Око», слабо пульсировал отсвет Прилива — первое, что зажглось в небе, когда погасло солнце. Брат видел его краем глаза и шёл дальше, вниз, к кораблю.

* * *

Корабль стоял там, где его оставили, с опущенной рампой. В отсеке горел красный свет.

Брат поднялся по рампе с мёртвым на руках и опустил его на скамью — осторожно, как живого. Рампа закрылась. Гул двигателей пошёл по полу, по стенам, по скамьям, и корабль оторвался от песка.

Брат сел напротив. Перчатку положил на колено. Она была выжжена: ядро почернело, голубые жилы на пальцах погасли, и от неё пахло горелым металлом. Рука сама потянулась к поясу, к креплению винтовки. Крепление было пустым.

С ботинок мёртвого на пол тонкой струйкой ссыпался песок. Ссыпался долго. Шарф у бойца так и был натянут до самого забрала — от пыли, которой здесь больше не было.

В смотровой щели, если бы Брат поднял голову, было бы видно «Око»: теперь, в темноте, его золото горело ярче всего на небе. Брат головы не поднял.

Он молчал. Шутки не было. Никто не мурлыкал под нос: тот, кто мурлыкал, лежал на скамье напротив. Марша не было.

Был только гул двигателей — и больше ничего.

Глава 4. Вести

Сверху Палатин был больше морем, чем сушей. Вода лежала серо-синяя, в полосах облаков, и тени облаков ползли по ней медленно, будто паслись. С одного края море упиралось в холмы, и по холмам белел город — будто кто-то просыпал на склоны соль и не стал сметать.

Чем ниже, тем строже становилась эта белизна. Город спускался к воде ступенями: терраса, лестница, плоские крыши, снова лестница. Дома тянулись вверх — гладкие, без единого угла, — и каждый был похож на бутон, который сомкнул лепестки, да так и не раскрылся. Стекла здесь было мало, камня — много. Стены стояли глухие, с узкими окнами, а зелень пряталась во внутренних дворах и на террасах, так что сверху дворы казались колодцами, на дне которых кто-то держит сад. На северном склоне ещё стояли леса, и в них белело что-то большое и недостроенное. Город был молодой и, кажется, сам это знал: строился широко, с запасом, будто всё ещё доказывал, что он — столица.

Выше всех, на самом высоком холме, стояло здание Совета. Ниже всех, на плоском берегу под холмами — единственном ровном месте во всём городе, — лежал космопорт.

Корабли шли к нему в то утро чередой: один садился, другой висел в небе, дожидаясь очереди, третий только показывался из облаков. Солнце поднялось, но не грело. С моря тянуло свежим ветром, и флаги над ангарами вытянулись по нему в струну. Тяжёлый пузатый грузовой корабль пробил облака над самым портом, повисел над посадочным полем и пошёл вниз — на свою площадку, к крышам складов, к штабелям грузов и к людям между ними.

* * *

По грузовому двору космопорта, между штабелями, шёл худой немолодой человек в сером.

Он спускался сюда каждое утро — с того самого дня, как пришла весть. Связь в секторе так и не наладили, и новости теперь приходили в столицу так же, как зерно и фрукты: в трюмах, вместе с грузом. Наверху, в Совете, их потом читали с листа. Человек в сером предпочитал услышать их раньше, чем они станут листом. С Элиона и Верны корабли шли по трассе, полдня пути, и вести оттуда приходили свежими. С окраин летели неделями, и всё, что везли оттуда, — и груз, и вести, — успевало в дороге постареть.

Грузы лежали по планетам, как на рынке товар лежит по рядам. Зерно с Элиона стояло в серых контейнерах, в три яруса, и на боку у каждого было дерево по трафарету — знак житницы. От контейнеров пахло сухо и тепло, как из амбара. Дальше громоздились ящики с Верны — светлые, лёгкие; в них лежали фрукты, переложенные стружкой, и сладкий запах стоял над ними даже на ветру, такой густой, что его хотелось отогнать рукой. Грузчики, проходя мимо, нет-нет да и запускали руку под крышку. У дальнего склада лежали слитки с Ксароса, тёмные и тяжёлые, с имперским клеймом завода. Их привезли ещё до вести, и с тех пор штабель не убывал и не прибывал.

Между штабелями с тихим гулом ходили погрузчики, и в кабине каждого сидел человек — кто в шапке, надвинутой на брови, кто с куском хлеба в зубах. Грузчики перекрикивались через весь двор, коротко и по делу: кому куда, где брать, кого ждать. У весов торговцы спорили с приёмщиками — громко, но без злобы, как спорят каждый день, когда знают, что всё равно сойдутся.

Под навесом у конторки сидел приёмщик с ведомостью. Человека в сером он принял за ревизора из казначейства — тот был одет просто, шёл не спеша и смотрел туда, куда смотрят ревизоры, — и затараторил по привычке, не поднимая глаз:

— Элион — опаздывает. Верна — в срок, даже сверх нормы. — Палец пополз по строкам вниз, и приёмщик поморщился, будто на него потянуло сквозняком. — Кальд… Кальд опять недобор. Как всегда.

Человек в сером кивнул. Поправлять приёмщика он не стал: ревизору рассказывают больше, чем советнику.

— А с Ксароса?

— С Ксароса ничего. — Приёмщик наконец поднял голову. — С самого того дня. Говорят, там во всём секторе связи нет.

— Говорят, — согласился человек в сером и пошёл дальше.

Про «тот день» в порту вспоминали часто, но между делом, не отрываясь от работы, — так говорят о буре, которая прошла стороной, над чужими полями. Только говорили чуть тише, чем о буре. Двое грузчиков у трапа замолчали, когда он проходил мимо, а когда он отошёл, заговорили снова, но уже о другом.

* * *

Из порта наверх вела лестница — широкая, в несколько маршей, с площадками, где можно было перевести дух и оглянуться на море. Человек в сером поднимался не торопясь, ровным шагом того, кто за жизнь много ходил пешком и не видел в этом ничего особенного.

Выше порта начинались жилые кварталы. Здесь жили те, кто мог позволить себе вид на море: хозяева грузовых флотилий, купцы первой руки, чиновники ведомств, отставные офицеры войны объединения с пенсией от казны. Улицы были чистые и тихие, стены — высокие и глухие, и вся здешняя жизнь шла за ними, во дворах. Иногда ворота стояли открытыми, и тогда в проёме был виден сад: деревья в каменных кадках, вода в широкой чаше, садовник с ножницами над кустом. Потом ворота закрывались, и снова тянулась белая стена.

На террасе над улицей женщина в домашнем, накинув на плечи шаль, пила что-то горячее и смотрела на море; пар от чашки ветер сносил в сторону. Навстречу человеку в сером поднимался слуга со светлым ящиком на плече: фрукты с Верны уже ехали из порта к чьему-то столу. По улице, парами, учитель вёл детей в одинаковых курточках. Проходя мимо углового дома, дети разом повернули головы к стене.

На углу висела доска вестей. На ней светились те же строки, что и в первый день: в резиденции Императора произошёл взрыв, Совет заседает, о решении будет объявлено. Каждое утро внизу менялось число. Строки не менялись.

Мужчина в хорошем пальто остановился у доски и прочитал её всю, будто там могло появиться что-то новое. Покачал головой и пошёл дальше, к своим делам, — чуть быстрее, чем шёл до этого. Учитель что-то сказал детям, и те перестали оборачиваться.

Человек в сером на доску не посмотрел. Что на ней написано, он знал и так: эти строки составляли при нём.

* * *

Лестницы сходились на площади у подножия холма Совета. Площадь была широкая, вымощенная тем же белым камнем, что и всё вокруг, и в этот час на ней было людно. Сюда приходили к ведомствам, к Совету и друг к другу: чиновники с папками под мышкой, просители, которые держали свои бумаги обеими руками, будто что-то горячее, купцы, которые заключали сделки на ходу, не сбавляя шага. Голоса стояли над площадью ровным гулом — таким же, как внизу, в порту, только без двигателей.

— …и я ему говорю: по такой цене вези сам.

— А он?

— А он везёт.

У края площади стояли двое купцов в добротных пальто: старший хмурился, младший грел руки в карманах.

— Корабль с Элиона ещё позавчера должен был прийти, — ворчал старший. — У меня под это зерно два склада освобождены, пекари ждут.

— Подождут твои пекари. — Младший пожал плечами. — Связи нет, вот и задержка. Придёт.

— Придёт, — согласился старший так, будто его уговорили.

Чиновники у ступеней ведомства спорили о чьём-то назначении.

— Пока Совет не решит, никого не назначат.

— Пока Совет не решит, ничего не решат, — поправил второй, и оба засмеялись, не очень весело.

Рядом три дамы обсуждали вечер.

— Приём у хозяина флотилии — ты пойдёшь?

— Если не отменят. Сейчас всё отменяют.

— Не отменят: он уже заказал фрукты с Верны. — И тем же голосом, без перехода, как переходят от одной новости к другой: — А правда, что Император жив? Скрывается и ждёт, кто себя покажет?

— Кто тебе сказал?

— Все говорят.

У ступеней, где ждали просители, говорили о другом.

— Это мятежники с Кальда взорвали, вот увидишь.

— С Кальда? — Сосед хмыкнул. — Им и до соседней планеты долететь не на чем, не то что до резиденции.

Возчик с порожней тележкой, пробиравшийся через толпу, остановился передохнуть и вытер лоб рукавом.

— Туда годами ящики возили, — проговорил он ни к кому особенно, как говорят то, что давно вертится на языке. — В резиденцию. Из нашего порта тоже. Тяжёлые, запечатанные, грузить велели бережно. А что в них — кто ж скажет.

Никто не ответил: у каждого был свой слух, поинтереснее. Возчик взялся за тележку и покатил её дальше. Человек в сером проводил его взглядом — дольше, чем нужно, чтобы просто посмотреть на возчика.

Говорили на площади громко и о разном, но то и дело оглядывались вверх, на здание Совета, — будто оттуда вот-вот должны были выйти и сказать что-то новое.

Через площадь, раздвигая людей, медленно прошла машина с флажком Совета на крыле и охраной на подножках. Люди расступались и смотрели ей вслед: кто-то из партии войны. Партия войны ездила, партия мира ходила пешком — так повелось с первого года Совета, и обе стороны давно считали это делом принципа. Человек в сером посторонился вместе со всеми, и никто его не узнал. Он пересёк площадь и начал подниматься по ступеням.

* * *

Здание Совета стояло на вершине холма — выше всех и строже всех. Это был тот же сомкнутый бутон, что и по всему городу, только огромный: белые лепестки стен поднимались к небу и сходились наверху, так и не раскрывшись. Окна в них были прорезаны высоко и узко, как бойницы.

К дверям вели широкие лестницы, марш за маршем, и вдоль них на высоких древках стояли флаги. Ветер с моря доставал и сюда: флаги вытягивались и хлопали, древки поскрипывали. В этот час на лестницах было почти пусто — писарь бежал вниз, прижимая к груди папку, да у верхней площадки стояли часовые. Ступеней здесь было столько, что на них поместился бы весь город, но город сюда не поднимался: дела у него были внизу.

Внутри было тихо и тепло; после ветра это чувствовалось сразу, лицом. Гул площади остался за дверьми. Пол здесь был из того же белого камня, только отполированного до блеска, и на каждом перекрёстке переходов в него была вложена золотая звезда о восьми лучах — знак семьи Императора. По звёздам здесь не плутали: любая дорога в здании начиналась у одной и кончалась у другой.

Вдоль длинной галереи висели знамёна полков войны объединения — тех, что пришли под руку Императора. Каждое было своего цвета и со своим знаком, и когда-то эти полки вое-

вали друг против друга. Теперь знамёна висели в один ряд, а под каждым было написано, кто привёл этот полк. Многих из тех, кто привёл, можно было встретить здесь же, в этих коридорах: они теперь сидели в Совете. Человек в сером прошёл галерею, не поднимая глаз на знамёна.

От галереи расходились лестницы — вверх, к приёмным, и вниз, к канцеляриям, — а от лестниц переходы, направо и налево. По ним торопились писари, посыльные, секретари ведомств, и шаги их, сколько бы их ни было, под сводами звучали негромко. За дверями приёмных гудели голоса. Пахло бумагой и тёплыми лампами.

Большие двери зала Совета были закрыты. Человек в сером прошёл мимо них боковым переходом — туда, где за поворотом был малый зал.

* * *

Малый зал был скорее комнатой — просторной, но простой: длинный стол, стулья вдоль него, окно на море. Здесь Совет говорил о том, о чём не говорят в большом зале. Сидел здесь не весь Совет, а только те, кого звали, и звали каждое утро одних и тех же. На столе лежали бумаги — немного, и всё те же. Лист с первой вестью за эти недели столько раз передавали из рук в руки, что края у него размахрились, как у старой карты, которую слишком часто разворачивали.

Когда человек в сером вошёл, остальные уже собрались.

Председатель сидел во главе стола и, как всегда, молчал. Он был самым старым в комнате и говорил меньше всех, но, когда он говорил, замолкали все; этого он добился много лет назад и с тех пор не прилагал к этому усилий. По одну сторону стола сидела партия войны. Старший из них говорил громко, будто через плац, и всем без разбора говорил «ты» — всем, кроме председателя. Второй, моложе и суше, говорил полными фразами, как пишут приказы, и голоса не повышал никогда: ему не было нужды. По другую сторону сидела партия мира — советник, который всё говорил мягко, будто боялся, что от громкого слова что-нибудь разобьётся, и самый молодой из всех: его позвали недавно, и он чаще смотрел на других, чем говорил сам.

Человек в сером сел на своё место — в конце стола, у окна.

— Начнём, — обронил председатель, ни на кого не глядя.

Второй советник партии войны положил ладонь на лист с первой вестью. Читать ему было уже не нужно: эти слова в комнате знали наизусть все.

— Взрыв со стороны резиденции. С Ксароса принят сигнал с имперским кодом. Больше связи с сектором нет.

— Сигнал с имперским кодом, — повторил молодой советник партии мира и обвёл стол глазами, ища, кто его поддержит. — Может быть, это Император подаёт знак?

Он спрашивал об этом и вчера, и позавчера. Но каждый раз, когда звучал этот вопрос, в комнате ненадолго становилось легче дышать.

— Надеюсь, Император жив, — негромко отозвался мягкий советник.

— Император, возможно, мёртв. — Старший советник партии войны сказал это так же громко, как говорил всё остальное.

— Тс! — Мягкий даже подался к нему через стол. — Что ты такое говоришь.

Сказал он это шёпотом и покосился на дверь, будто за ней мог стоять тот, о ком шла речь. Старший махнул рукой, но спорить не стал.

Второй советник партии войны отложил первый лист и взял следующий.

— С Кальда передали: мятеж подавлен, склад возвращён. — Он помолчал. — И что Брат ослушался и отправился в сторону резиденции.

Что командир мятежников когда-то сидел в Совете, вслух не сказал никто. Об этом поговорили в первый день — и больше не хотели.

— Мальчишка, — буркнул старший, и непонятно было, ругает он или одобряет. — Я бы на его месте тоже полетел.

— Приказ был всем частям, — ровно напомнил второй. — Ему тоже.

— Он ищет брата, — вздохнул мягкий. — Это можно понять.

Второй советник партии войны сложил листы стопкой, край к краю.

— Надо отправить разведку. На поиски — туда, где был Император.

Предлагал он это не в первый раз, и не в первый раз председатель кивнул — медленно, как кивают тому, что надо ещё обдумать.

— А что Император делал в резиденции? — спросил человек в сером.

Голос у него был сухой, немолодой и негромкий, но расслышали его все. Спросил он просто — так спрашивают дорогу.

За столом переглянулись. Старший советник партии войны открыл было рот и закрыл. Мягкий посмотрел на председателя. Председатель смотрел на лист с размахрившимися краями.

— Отдыхал от нас, — проворчал наконец старший. Кто-то коротко хмыкнул, но больше никто не засмеялся.

Император последние годы жил в резиденции, и Совет писал ему туда: отчёты, прошения, вопросы о наследнике. Ответы приходили. Что ещё он там делал, кроме ответов, за этим столом не знал никто: спрашивать Императора было не принято. Теперь спросить было некого.

Тишина вышла долгой. За окном, далеко внизу, садился очередной корабль.

— Разведку, — произнёс председатель так, будто его никто не прерывал. — Кого мы пошлём?

— Свободных частей нет. — Второй ответил сразу: этот ответ у него тоже был готов. — Корпус большей частью на окраинах. Кальд в этом году не единственный мятеж.

— На юге неурожай, — покачал головой мягкий. — Армия возит туда хлеб. А где разлились реки — строит дамбы.

— А граница? — Старший постучал пальцем по столу. — Граница сама себя не держит. Мои оттуда ни роты не снимут.

Империя была большая и молодая, и беды у неё были разные — у каждой планеты свои. Армия не сидела без дела и не пряталась за стенами столицы. Воевать она умела, просто воевала везде понемногу: её разбросали по Империи, как зерно при севе, по горсти на каждое поле, и собрать её обратно в кулак быстро было нельзя.

— Совет вернётся к этому вопросу, — проговорил председатель.

Те же слова он сказал вчера. И позавчера. С того дня, как пришла весть, Совет каждое утро возвращался к этому вопросу и каждое утро от него уходил: нового ничего не приходило, а решать по старому никто не хотел первым. Каждое утро здесь говорили о Брате. Где сейчас Брат и что с ним, Совет не знал.

Дверь открылась без стука. На пороге встал посыльный — совсем молодой, запыхавшийся: видно, бежал по лестницам через ступеньку. Он не сразу нашёл, кому докладывать.

— Корабль… — Посыльный сглотнул. — Корабль наследника сел в порту. Командира… — Он запнулся, посмотрел на председателя, на партию войны, на партию мира и выбрал самое короткое: — Брат Императора прибыл.

Как называть Брата, посыльный не знал. За столом этого тоже ещё не решили.

Человек в сером посмотрел в окно, вниз, на порт. Неделями он спускался туда каждое утро — и разминулся с этим кораблём на один подъём по лестнице.

Председатель поднялся первым — медленно, опираясь на край стола.

— Значит, выслушаем, — проговорил он. — В зал.

Советники поднимались следом — кто сразу, кто сперва собрав бумаги. Старший советник партии войны шагнул к двери, не дожидаясь остальных, второй — за ним, ровно, как в строю. Мягкий что-то шепнул молодому, и тот кивнул, не расслышав. Человек в сером встал последним. Лист с первой вестью так и остался лежать на столе.

По переходу шли друг за другом, по старшинству, и шаги отдавались под сводами. На перекрёстке, над золотой звездой, председатель свернул к большим дверям.

Двери зала Совета были высокие и тяжёлые, в два человеческих роста. Двое гвардейцев, не говоря ни слова, налегли на створки, и створки пошли — медленно и без единого скрипа, будто их открывала не сила, а привычка.

Председатель переступил порог первым. За ним, по одному, вошли остальные.

Глава 5. Бельё

«Белый» — таковым всегда был зал Совета: белый камень стен, белые ступени, белые одежды советников. Советники сидят полукругом, ярус над ярусом, и смотрят вниз, на пустой пол в центре. В центре — всегда тот, кто отвечает Совету, — один, на виду у всех.

Сегодня там стоял Брат.

Напротив ярусов, у дальней стены, стоит кресло Императора. Единственное тёмное место в этом зале — ступенчатый камень с холодным синим отсветом.

Ныне кресло пустовало, а к нему был прислонён меч. О кресле и о мече никто не говорил, но взгляды то и дело возвращались туда.

По одежде советников было видно, кто из какой партии. Партия войны сидела в белых мундирах с золотыми эполетами и синими перевязями, ордена старой войны тускло блестели на груди. Партия мира — в простом, светло-сером, без единого знака. В центре, выше всех, сидел председатель — седой старик в тяжёлой белой мантии с золотой каймой и с цепью должности на груди.

Сержант стоял у стены, среди тех, кто вернулся с Кальда, и молчал. Его сюда позвали свидетелем, а не докладчиком.

Было утро. Снаружи, над городом, ступенями спускающимся с холмов к морю, гулял свежий ветер и трепал флаги на широких лестницах, но в зал он не проникал. Свет входил сюда через высокие узкие окна и ложился косыми полосами — через ярусы, через пол, и одна полоса лежала точно на кресле. Пахло холодным камнем и воском. Под сводом отдавался каждый звук — шорох ткани, скрип скамьи, чей-то кашель наверху, — и поэтому здесь говорили негромко, а молчали подолгу.

По обе стороны от кресла стояли гвардейцы Императора: гладкая броня крупными плитами, белая с чёрным, ни царапины, ни пятнышка. Они заступили сюда в тот день, когда пришла весть о резиденции, и стояли так же неподвижно, как стояли при хозяине.

Брат пришёл сюда прямо из порта, в той же броне, в какой улетел с Кальда, — только краска по краям пластин теперь была сбита, а перчатку опалило на Ксаросе, и ядро светилось сквозь копоть ровно, как ни в чём не бывало. Там, где он прошёл от дверей к центру зала, на белом полу остались бледные рыжие следы: пыль Ксароса доехала с ним до столицы.

— Вы улетели без дозволения Совета, — начал председатель. Голос у него был негромкий и сухой, и зал притих, чтобы его расслышать. — Совет велел всем частям оставаться на местах.

— Я должен был действовать. — Брат стоял прямо, руки вдоль тела, и смотрел на председателя, а не на ярусы. — Император в опасности.

С левого крыла, где сидела партия войны, подался вперёд грузный советник с тусклым рядом орденов на груди.

— Где твой отряд?

Он сказал «твой», как говорят солдату. Председатель говорил «вы» — как наследнику. Зал ещё не решил, кто стоит перед ним.

Брат ответил не сразу. Пауза вышла такой, что наверху снова кто-то кашлянул.

— Все погибли.

— Что произошло? — спросил советник партии мира из нижнего ряда, мягко, без нажима, будто боялся, что от громкого вопроса ответ рассыплется.

— Мы выдвинулись по следу сигнала на Ксарос. Но это было ловушкой. Они окружили нас и перебили всех. Я чудом смог уйти сам и унести с собой бойца. — Брат вдохнул, словно дальше было что-то ещё, но сказал только: — Он не выжил.

Он доложил это ровно, как докладывают о расходе зарядов. Последнего из своих он нёс на руках через гребень до самого корабля — и всё это поместилось у него в одну строку.

— Кто вас окружил, кто противник? — Тот же советник партии мира чуть наклонил голову. — Мятежники?

— Нет… — Брат искал слово, и было видно, что подходящего у него нет. — Неизвестные боевые машины.

Второй советник партии войны, сухой и прямой, как древко знамени, приподнялся над скамьёй.

— Боевые машины? Но их не производят уже сотни лет!

Брат промолчал. По ярусам пошёл ропот — шуршание белой ткани, полуслова, чей-то короткий смешок, тут же задавленный, — и долго не мог улечься, перекатываясь от одного крыла к другому.

— Что с Императором? — спросил председатель, и ропот оборвался. — Вы нашли его?

— Нет. Сигнал был ложным. Ни одной живой души вокруг и никаких следов.

Сигнал шёл с имперским кодом — это знали все в зале. Совет слышал в этом коде надежду: раз код у машин, может быть, у них и Император, и, может быть, живой. Брат слышал ловушку: код был наживкой, а он на неё пошёл и повёл за собой своих. Одна и та же строка — два прочтения, и никто не сказал этого вслух. Многие в зале хотели, чтобы Брат ошибался. Сам Брат хотел этого ещё больше.

Тогда заговорил второй советник партии мира — худой, немолодой, самый простой из всех: серое без единого украшения, руки сложены на коленях. Он улыбался — вежливо, как улыбаются гостю, который пришёл не вовремя.

— Итого мы имеем, — проговорил он раздельно, будто сводил счёт, — судьба Императора неизвестна, какие-то древние боевые машины, весь передовой отряд погиб, а единственный выживший — это наследник Императора.

Последнее слово он положил аккуратно, как кладут на стол последнюю монету при расчёте. Это был первый вопрос, который здесь задали не о машинах, а о том, кому всё это выгодно, — и задали его с улыбкой.

Брат поднял на него глаза.

— Вы на что-то намекаете? — Он не повысил голоса, но под сводом вышло громче, чем он, наверное, хотел. — Вы знаете, я давно отрёкся от титула.

Сказал он это быстро, как говорят давно решённое и не раз повторённое. На кресло у дальней стены он не посмотрел.

Шёпот побежал по ярусам — сверху вниз, через проходы, от партии к партии. Советники наклонялись друг к другу, прикрывали рот ладонью, и белая ткань шуршала, как сухой камыш на ветру. Меч у пустого кресла поймал свет из окна и вспыхнул вдоль клинка — и как раз в эту минуту на него никто не смотрел.

Председатель поднял ладонь, и шёпот осел.

— Совет постановил, — объявил он, и по тому, как ровно легли слова, было понятно, что советники уже давно спорили, что делать в подобном случае, и даже пришли к какому-то соглашению. — Выдвинуть разведывательные группы в область происшествия для выяснения обстоятельств. Если «машины» объявятся — в бой не вступать, первыми огонь не открывать. Первостепенная задача — определить противника и его мотивы, а также выяснить судьбу Императора.

Слово «машины» он произнёс отдельно, чуть помедлив перед ним, как произносят чужое слово, за которое не ручаются. Брат своё объяснение уже нашёл — «ловушка». Зал своё ещё искал.

Две половины приказа — «в бой не вступать» и «первыми огонь не открывать» — прозвучали одна за другой, на одном дыхании, как одно целое. Никому в зале не пришло в голову, что их можно услышать по отдельности.

Сержант у стены не шелохнулся. Весь Совет он смотрел не на Брата, а на ярусы: кто кивнул, кто что-то записал, на чьём слове зал затих и на чьём зашептался. Он запоминал, что здесь ценят.

* * *

Космопорт лежал ниже, у самой воды, и ангар был в нём самым высоким: свод на стальных фермах, под ним — трапы и корабли в ряд. Свет здесь был рабочий — ровный, холодный, без теней, — а в распахнутых воротах стоял тот же бледный день, что и над Советом, и с моря тянуло сыростью. Гудели подъёмники, лязгали трапы, пахло топливом и горячим металлом.

Корабль с Ксароса стоял третьим от ворот. Его ещё не чистили: рыжая пыль лежала в швах обшивки, на стойках, на рампе, и той же пылью был присыпан брезент у трапа. Под брезентом угадывались плечи, шлем и носки ботинок. Дальше, вдоль борта, ровным рядом лежали брезенты с Кальда — серые, сырые: их отряхнули от снега, но не просушили.

Брат шёл вдоль них и считал. Не нарочно — глаза считали сами, как ноги сами считают ступени на знакомой лестнице. На середине ряда он сбился и не стал начинать заново.

У ворот готовили к вылету транспорт патруля: техники тянули к нему шланг, по рампе закатывали ящики.

Шаги за спиной Брат узнал, не оборачиваясь, — быстрые, твёрдые, на полшага чаще, чем нужно. Сержант догнал его и пошёл рядом.

— Как раненые с Кальда? — спросил Брат, не сбавляя шага.

— Приказ выполнен, все добрались в целости.

Сержант доложил это, как на смотре: плечи развёрнуты, подбородок вверх. Он гордился, и было чем.

— Хоть одна хорошая новость.

Брат услышал, как это прозвучало, — устало, без той лёгкости, с какой он говорил на Кальде. Шутка, которая раньше встала бы следом сама, не пришла, и звать её он не стал.

Они дошли до корабля с Ксароса. Сержант заговорил снова — тише, но так, будто нёс эти слова через весь порт и наконец донёс:

— Брат, я слышал Совет. Не стоило тебе нарушать приказ.

Брат остановился у трапа. Под присыпанным рыжей пылью брезентом лежал Ворчун. На Кальде он первым поднял руку у костра, и сержант отпустил его одним словом: «Иди». На Ксаросе он сказал «Командир…» — и больше ничего не сказал.

Молчание вышло долгим. Сержант не торопил, и у транспорта громыхали ящики.

— Знаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.